О.В. Иодко

Иоган Эбергард Фишер. Из Петербурга в Сибирь и обратно

Иоган Эбергард Фишер (1697–1771), филолог и историк, прожил 74 года, из них 33 года — в Германии, 41 — в России, где был ректором академической гимназии, профессором академического университета, адъюнктом Императорской Академии наук и участником Второй камчатской экспедиции Витуса Беринга.

В 1870 г. в многотомном издании историка и библиографа, академика П.П. Пекарского «История Императорской Академии наук» появился биографический очерк о Фишере, изобиловавший легендарными подробностями его путешествия в Сибирь[1].

Исследовательский интерес к его персоне проявился вновь в XX в. В январе 1926 г. в архив Академии наук обратился с письменным запросом профессор из Эслингена Райнхольд Вагнер. Он просил уточнить и дополнить его сведения по биографии Фишера. Ответ архива был скромным, потому что личного фонда ученого у нас нет, а длительные изыскания не входили в тот момент в планы архива. На следующий год благодарный профессор прислал газетный, на целую полосу, вариант своей статьи к 230-летию ученого[2]. В основном это был анализ источников, которыми располагал Вагнер.

Статья начиналась словами: «Berhmt und — vergessen!», т.е. «знаменитый и забытый». Действительно, документов о его жизни не так уж много. Архив располагает его автобиографией, в которой он говорит: «Родился в 1697 году в имперском городе Эслингене в герцогстве Виттембергском. Отец мой назывался Георг Авраам, который был директором гимназии в оном городе. В Россию я приехал в 1730 году, и определился в здешней Гимназии проректором с произвождением жалованья по 200 рублей в год. В 1732 году произведен при оной Гимназии в ректоры и при том в адъюнкты при академическом собрании с определением жалованья по 360 рублей в год»[3]. Доктор Вагнер в своем письме в архив от 14 февраля 1926 г. уточняет: «Иоган Эбергард Фишер, вопреки указаниям лучших справочников, был рожден не в Эслингене, где день его рождения 10 января 1697 г., не найден в списках, а в Вайльтингене, в средней Франконии, ныне относящейся к Баварии (подтверждено тамошней приходской службой).

Его отец, Георг Абрахам Фишер, приехал в 1712 г. из Вайльтингена в тогдашний свободный имперский город Эслинген, который только в

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

1803 г. стал Вюртембергским; и был он не директором гимназии, а пастором или учителем латыни и одновременно музыки; в 1742 г., когда сын его находился в Сибири, сгорел его дом, и в 1745 г. он удалился на покой.

Сам И.Э. Фишер, хоть и не был Вюртембержцем, в 1712 г. поступил в известный Тюбингенский евангелическо-теологический институт и там, в 1716 г., т.е. в 19 лет, стал магистром»[4].

Далее германский след его прерывается, и, как говорит Вагнер, «в 1730 г. он вдруг всплывает в Петербурге»[5].

В первые десятилетия деятельности молодой Российской академии наук иностранные ученые определялись к ней на службу либо по рекомендации, либо по личной переписке с нею. Ни того, ни другого в биографии Фишера мы не находим.

Но так или иначе служба его устраивается. Имеется записка, составленная тогда проректором Фишером 1 сентября 1731 г. «О свидетельствовании в музыкальном знании учеников Ферстера»[6]. 6 сентября 1732 г. он подписал контракт с Академией наук, по которому принял должность ректора гимназии и обязался еженедельно присутствовать на заседаниях академической конференции[7]. 22 сентября 1732 г. он впервые принимает участие в заседании конференции[8]. Вскоре он женится на дочери гимназического учителя Екатерине-Маргарите Стикс[9].

В 1737 г. находим подробное описание его служебных обязанностей: «Ректор латинской гимназии. Его должность состоит в надзирании за учительми латинских классов, дабы ими чего упущено не было. Сам он учит молодых людей первого классу в штиле и риторике, толкует им наитруднейших авторов, а именно Иулия Цезаря, Светона, Цицероновы письма и орации, Овидиевы метаморфозы и Виргилиевы дела; изъясняет им греческие и римские древние вещи, учит их поэзии, политической истории и географии. Кроме своей школьной должности, переводит с русского на немецкий или латинский язык разные к русскому собранию принадлежащие вещи; а ныне профессором Кером переведенную историю в чистой немецкой стиль переводит. Впредь будет школьную свою должность исправлять и при других переводах и над примечаниями трудиться»[10].

В его бытность гимназическим ректором разработано более всего нормативных документов по организации учебного процесса. 7 августа 1733 г. он подает «Предложение по устройству Гимназии и училищ в Санкт-Петербурге»[11], основные положения которого сводились к тому, что ради гуманистического образования в курс кроме латыни должны входить греческий язык, чтение римских поэтов, правила ораторского

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

искусства и логика. Немецкая школа должна готовить учеников к высшей ступени, которой была латинская школа. Для привлечения перспективных учеников он предлагал учредить 30 стипендий, бедных освободить от пошлины за переход через мост, который размещался на пути к гимназии. Также указывалось на недопустимость использования учебных классов для жилья служителей.

Через некоторое время Сенат утвердил выплату три тысячи рублей в год на стипендии.

В 1737 г. Фишер подает очередную записку «Неопределенные мысли, как устроить в России и особенно в Санкт-Петербурге школы и Гимназию»[12], в которой говорит о необходимости отделения от гимназии немецкой школы, так как немецкий язык необходим, пока гимназистов обучают немецкие учителя, а после школы наиболее одаренных необходимо переводить в гимназию. В «Расположении Санкт-Петербургской гимназии в 1748 году» он делает акцент на том, что она «особливо для русских заведена, дабы они, обучившись каким языкам и наукам, отечеству тем большую пользу принести могли»[13].

Семья Фишера увеличивалась, а жалованье платили не всегда регулярно. 30 июля 1734 г. он пишет слезное письмо в конференцию: «Благороднейшие, высокоученые и глубокоуважаемые господа! Мои материальные обстоятельства столь жалки, что если я не хочу умереть с голоду, то буду принужден умолять об экстренной помощи. У меня дома больной ребенок, и сегодня утром до меня дошло, что 5 копеек, которые у меня еще были, я должен употребить либо на лечение, либо на покупку хлеба; пока я боролся с сомнениями, к порогу моему пришла женщина с требованием денег, которой я и отдал всю мою наличность. При том, что мне теперь еще должны жалованье за треть этого года, прошу покорно, господа, распорядиться выплатить мне таковое или, если это не возможно, по крайней мере иметь снисхождение, чтобы дать мне в зачет 20–30 рублей. Надеюсь, господа, что вы примете к сердцу мое бедственное положение, которое имеет столь жалкий вид, что если мне сейчас же не последует помощь, я должен буду съехать с квартиры и заставить томиться и жену, и ребенка»[14].

8 мая 1738 г. конференция обсуждала письма, полученные в прошлом году из Сибири от участников Второй камчатской экспедиции Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина об экспедиционных трудностях и готовила проект донесения в Сенат, в котором кроме прочего говорилось: «А сего маия 6 дня в Академии наук адъюнкт и ректор при Гимназии Иоганн Эбергард Фишер челобитьем объявляет: <...> 2) ныне же уведомился он, что в Камчатскую экспедицию требуется еще один адъюнкт,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

который бы историю принадлежащих до российского скипетра народов мог исследовать, 3) того ради в том случае его всенижайшие и вернейшие услуги употребить желает, и при том имеет надежду, что в рассуждении сего далекого и многотрудного пути определено ему будет так, как и прежде отправленным в сию экспедицию профессорам и протчим служителям, против нынешнего его окладу двойное Ея Императорского Величества жалованье, а именно семьсот рублев с надлежащими до того прогонами и протчими к сей должности потребными вещами. И дабы всемилостивейшим Ея Императорского Величества указом по окончании сей экспедиции, как за его при Гимназии и Академии показанную службу, так и в рассуждении оных заслуг и верности, которые от него при сей экспедиции показаны могут быть, учинен он был при Академии наук профессором, со определением того ж жалованья, на котором он в экспедицию отправлен быть желает, а именно по семисот по двадцати рублев»[15].

15 мая 1738 г. с Фишером был заключен контракт об условиях отправки его в экспедицию: «Помянутой Иоган Эбергард Фишер определяется в Камчадскую экспедицию адъюнктом академическим в классе историческом на пять лет и обещается высочайший ее императорского величества интерес всевозможным образом наблюдать и о чести и пользе Академии наук по данной ем инструкции стараться, також о всем на пути такое старание иметь и так поступать, как верному и добросовестному ее императорского величества рабу подлежит.

Чего ради ему годового жалованья по шестисот по шестидесят рублей включая в то число квартиру, дрова и свечи, так как и прочим отправленным в Камчадскую экпедицию членам из экспедиционой казны производиться имеет.

По прошествии означенных пяти лет он по возвращении его сюда определен быть имеет профессором истории с произвождением от Академии годового жалованья по шестисот по шестидесяти рублей, включая в то число квартиру, дрова и свечи»[16].

Почти через год, 2 мая 1739 г., Фишер составляет заявку: *«К экспедиции Камчатской потребно —*

Книг:

Вояж ди норд

Абул Гаси хана История генеалогическая о татарах

Шетген Оригинес русикас

Санкт-Петербургское собрание к российской гистории

Пуфундорфа введение в гисторию в трех частях

Маркум Паулум Сенетум

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

Вилхелм Руброк (или Рубрикис) он был Минорид, которой от французского короля Лудовика Святого в Великую Татарию послан был Герододум Туцидидем Тиодорум Зикулум.

Прочих нуждных вещей

1 десть расхожей бумаги

6 дестей книжной бумаги

6 книг с доброю бумагою во лист переплетенною

п[о]рошки чернильные

2 оловяных ченильницы с песошницами

2 пучка хороших галанских перцев

10 дюжин карандашей разных сортов

6 фунтов сургуч

6 перочинных ножиков

6 линеек

2 большие ножницы

2 маленькие ножницы

3 каменные доски

1 компас

1 микроскопиум

1 пару хороших зрительных трубок

1 хорошую винтовку

2 пары пистолетов

20 фунтов пороху

20 фунтов дроби

2 роспуски, ради положения на оные вещей к экспедиции принадлежащих

4 сундука с замками крюками и петлями

веревок и сундуков сколько потребно

Напоследок требую

Жалованья на два года наперед

6 лошадей в подводе

2 салдата с унтер-офицером для конвоя»[17].

25 июня 1739 г. последовала резолюция, согласно которой заявку обещали удовлетворить почти полностью, кроме одной подзорной трубы (из двух заказанных), пистолетов, пороха и дроби, а книги Марко Поло и Рубрука заменили на «Путешествие в Азию» Бержерона[18]. 6 сентября 1739 г. вышло распоряжение «отправляющимся из Академии наук в Камчатскую экспедицию адъюнкту Фишеру, переводчику Линденау, да копиисту Мартинию прогонных денег от Санкт Питербурха до Тобольска к прежденданным на 10 подвод, еще на две ямские и уездные подводы по шестнадцати рублев по дватцети по четыре копейки с половиною на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

подводу»[19]. Ввиду того что Фишер едет с женой и детьми, ему была дана на восемь дней отсрочка, «а по требованию же его для охранения в пути пороху дватцать фунтов требовать от артиллерии, а дробь и пуль дватцать же фунт купить»[20]. В путевом листе было отмечено, что Фишер едет «с женою и 3 детьми»[21]. И, наконец, запись от 5 октября 1739 г. в протоколе канцелярии: «Надзиратель Шмидт доложил, что вчера около 6 часов вечера адъюнкт Фишер отсюда уехал»[22].

Краткой инструкцией от академии Фишер был уполномочен просить поддержки у губернаторов и воевод вести наблюдения, «что касаются до истории натуральной <...> и по приезде от профессора Миллера, которому для излечения болезни велено ехать в Санкт-Петербурх, книги и инструменты кроме тех, которые ему в проезде надобны, принять тебе по реестру, и что принято будет, в Академию репортовать»[23].

Возможно, с этого момента и начались разногласия между Миллером и Фишером. 30 июля 1739 г. Миллер пишет из Енисейска президенту Академии наук: «...В рассуждении отправления г-на Фишера изволите Ваше превосходительство мне приказывать, дабы я все к нашей экспедиции принадлежащие книги, письма и протчия вещи с распискою ему отдал, и на сие Вашему превосходительству покорно доношу, что данные нам от Академии книги, по большей части в Якуцке оставлены, а я только немногие из них при себе имею, да и те мне во всю мою в Сибири бытность необходимо нужны. А письма, которые у меня в походном архиве хранятся состоят во первых во входящих и исходящих указах, промемориях и щотах и в протчем. Потом копии из Архив, а напоследок мои собственные записки, примечании, из которых мне без убытку и лишения собственных моих трудов и обстоятельств ничего отдать невозможно. Ежели мне без сих писем быть, то мне во-первых по прибытии в Петербург оправдаться нечем. Потом в обратной моей поездке и по прибытии ничего о Сибири показать и сделать невозможно; и следственно все мое предпринятое путешествие и труды в туне будут. Не упоминая того, что чужая рука в недовольном знании российского языка сим нашим походным Архивом с такою прибылью пользоваться не может. А к тому ж сия работа другому тем не легче покажется, что оная в тритцети фолиантах или рукописных моих книгах состоит. Ежели по моему мнению г-ну Фишеру такое же наставление дать, какое от нас г-н Стеллер получил, а именно когда мы ему обстоятельно опишем, что уже сделано и что еще делать надлежит, ежели ему все способы покажем, которую мы сами шестилетнею практикою получили. Ежели дадим ему списки с такой корреспонденции, на которую он впредь сослаться может, а потом бы уже ему только обсервации делать и корреспондировать по тому

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

примеру, как мы ему покажем, чем он для себя особливой и новой Архив собрать может. И ежели сие вашего превосходительства намерение удовольствовать может, то дальнейших от Вашего превосходительства впредь приказов с нижайшим почтением ожидать буду»[24].

28 ноября 1739 г. канцелярия рассматривает письмо Фишера от 22 ноября из Москвы, «где он извещает о своем прибытии и также добавляет, что из-за отсутствия денег его поездка далее не может быть продолжена»[25]. Задержка жалованья, видимо, была явлением привычным. 17 декабря 1740 г. канцелярия снова готовит донесение в Сенат по очередным письмам экспедиционеров: «Люрсениус (художник. — *О.И.*) просит, чтоб недоданное ему жалованье за прошлые с 736-го по нынешний 740-й год, по сту рублев на год выдать <...> В прошлом 1739-ом году ноября 15 дня оные же профессоры, Гмелин и Миллер, письмами представляли, что студент Крашенинников пред всеми его товарыщи добрыми поступками во всем оных профессоров путешествии и особливым трудолюбием несравненно себя отметил; но за оскудением в пропитании своем он, Крашенинников, крайнюю претерпевает нужду; которое его состояние не только опечалить, но и к продолжению толь счастливо и с изрядным успехом начатых им обсерваций унылое нерадение или крайнюю к тому неспособность причинить в нем может»[26]. Для Крашенинникова просили прибавки.

В июне 1740 г. в Сургуте Фишер, наконец, встречается с Миллером, который передает ему инструкцию для продолжения путешествия из 923 основных пунктов, 63 пункта — о ландкартах, 30 — о надписях, 16 — о вещах для Кунсткамеры, всего на 111 листах[27]. Далее Фишер следует по маршруту Иркутск–Якутск, 29 июля 1741 г. запрашивает Крашенинникова: «Изготовлено ли в Охоцке для нас новое судно и можно ли сеи осени на оном переехать мне до Камчатки, а буде не готово, то чего ради оное тихо строится и скоро ли оному в готовности быть чаете?»[28] Однако попасть на Камчатку ему не удалось.

В 1742 г. из Якутска он отправился в Охотск, где был оклеветан, арестован и отправлен обратно в Якутск, там допрошен и освобожден. Сам он, как увидим из его рапорта канцелярии, упоминает об этом вскользь.

Далее его путешествие продолжилось в обратном направлении. В Томске он должен был дождаться Стеллера (до 1746 г.), потом поехал в Тобольск, Соликамск, в Москву, а оттуда в июле 1747 г. в Санкт-Петербург. 10 сентября 1747 г. он пишет итоговый отчет в канцелярию: «И как я отсюды (из Петербурга. — *О.И.*) отправился, были со мною посланы два копииста Александр Мартини и Яков Линденау, из которых копиистов, как я в Сибирь прибыл по требованию профессоров

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

Гмелина и Миллера, копиист Мартини послан от меня к профессору Гмелину, при котором уже остался и с ним сюды в Санкт-Петербург возвратился. Другой копиист, Линденау, в бытность мою вместе с профессором Миллером в городе Сургуте, взят им от меня в 740-ом году, паки ко мне в Иркуцк явился и был со мною до Якуцка, откуда отправлен он мною в том же 741-ом году наперед в Охоцк для требования от Канцелярии Охоцкого порта морского судна, на котором я бы мог чрез море на Камчатку переехать. А как я в 742 году из Якуцка в Охоцк отправился и был в пути токмо до Юдомского креста, где мне некоторое препятствие учинилось, то копиист Линденау для отлучки моей остался при команде адъюнкта Штеллера, с которым был он до Соликамска, откуды один сюды отправился. А и для учинившегося мне препятствия принужден был возвратиться в Якуцк, а из Якуцка поехал в Иркуцк, где получа в 744-ом году из Академии наук указ и при том копию с переводу немецкого протокола, данного в Конференции Академии наук ноября 14 дня 743 году отправился в Томск, где ожидая прибытия адъюнкта Штеллера, с которым я бы мог на Колыванские Демидова заводы, оттуды к крайней верьху реки Иртыша лежащей крепости Усть Каменогорской ехать. Но как адъюнкт Штеллер с командою в феврале месяце 746 году в Томск прибыл, то он в показанные места оттуды не отправился и поехал прямо в Тобольск и в город Соликамск, а по отправлении оного Штеллера, не имея себе никакого вспоможения, и я за ним в Тобольск, в город Соликамск, а из Соликамска в Москву следовал, а из Москвы прибыл сюды в Санкт-Петербург в июле месяце»[29].

Он привез из Сибири записи путевых наблюдений и копии документов местных канцелярий: «1. История Казанская. 2. История Сибирская, списанные с историй, хранящихся в архиве Тобольского митрополита. 3. Ведомость о ведомствах и городах Сибирской губернии, а особливо о иноземцах, их нравах, языках и суевериях, сочиненное по указу Ея императорского величества, а по требованию тайнаго советника господина Татищева. 4. Ведомость о городе и ведомстве Сургутском из Сургутской воеводской канцелярии. 5. Географическое и историческое описание рек Иртыша, Оби, Томи и иных малых рек, так же стран и народов от города Тобольска до Томска, с приложением пяти сот слов остяцкого языка, которым в Нарыме живущие остяки говорят. Ивана Фишера. 6. Ведомость о нравах и поведениях татар Томского ведомства на немецком языке. Его же, Фишера. 7. Географическое и историческое описание пути и мест, лежащих между городами Томским и Иркуцким, на немецком языке. Его же, Фишера. 8. Ведомость о великом трясении земли в городе Иркуцке и Иркуцкой провинции, в острогах

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

и слободах. Из Иркуцкой провинциальной канцелярии. 9. Ведомость из Иркуцкой провинциальной канцелярии о Иркуцкой провинции и о Якуцком ведомстве, какие ко оным имеются приписные остроги, крепости, зимовья. 10. Ведомость о Балаганском дистрикте из Балаганской канцелярии. 11. Ведомость о Верхоленском дистрикте из Верхоленской канцелярии. 12. Описание от вершины Лены реки до города Якуцка, на немецком языке, сочиненное копиистом Яковом Линденау. 13. Описание пути от города Якуцка вниз по Лене реке до ее устья, на русском языке, сочиненное якуцким служивым Бурнатовым. 14. Описание морской экспедиции из устья Лены реки по Северному морю порутчиков Ласениуса и Прончищева, на немецком языке, сочиненное от морской команды. 15. Описание пути от Якуцка до Охоцка, так же о реках Анадыре, Колыме, Алазее и Индигирке, впадающих в Ледовитое море. 16. Об Охоцком порте, от Охоцкой канцелярии. 17. Описание о тунгусах или ламутах, живущих по берегу Восточного океана. На немецком языке, сочиненное копиистом Линденау. 18. Описание берегов Восточного океана от Охоцкого порта на полдень до реки Кухтуя, на немецком языке, сочиненное копиистом Линденау. 19. Разные известия о якутах, даурах и тунгусах, живущих на восток от реки Уди и при том о экспедиции из Ледовитого моря перед сим за 120 лет на Камчатку. О походе на олеторцов. О походе на чукоч, на немецком языке, Иоана Фишера. 20. Собрание всяких разных ведомостей, Иоана Фишера. 21. Вокабуларии трех сот слов тритцати пяти народов, от большей части сибирских, Иоана Фишера. 22. Лексикон о всяких достопамятных вещах, народах, городах, реках, персонах, их чинах и прочее по алфавиту, на немецком языке. Его ж. 23. Обсервации лежащих мест между городом Якуцким и рекою Алданом, так же путь от Юдомского креста до реки Маи, от Маи до Якуцка. Его ж. 24. Описание водяного пути от города Иркуцка до города Енисейска реками Ангарою, Тунгускою и Енисеем. На немецком языке, его ж, Фишера. 25. Описание пути от города Енисейска чрез чулымских татар землицу до города Томска, и при том разные о житии чулымских татар примечания, на немецком языке. Его ж. 26. Описание пути от города Томска до городов Тары и Тобольска чрез Барабинскую степь, и при том примечания о живущих на той Барабинской степи татарах, на немецком языке. Его ж. При том вокабуларий татарский. 27. Описание пути от города Тобольска чрез Москву до Санкт-Петербурга, и при том разные известия о разных народах, яко татарах, вагуличах, пермяках, вотяках и черемисах, которые обретаются на том пути. На немецком языке. Его ж, Фишера. 28. О соболином промышле, от Сибирских промышленных»[30].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

Конечно, научные «трофеи» Фишера значительно уступали тому, что собрал Миллер, но, как он писал в 1752 г., программа исследований была широка, а помощников и переводчика не было: «Что же касается до инструкции, сочиненной профессором Миллером, то хотя я ее и получил, однако по ней исполнять было мне отнюдь невозможно, ибо оная инструкция состояла из нескольких сот пунктов, для произведения которых в действо надлежало б мне всю Сибирь во все стороны проехать и иметь при себе человек до тридцати всякого звания людей, а при мне тогда не только других людей, но и переводчика по большой части не было. И я сам, хотя не так совершенно разумел по-российски, чтоб оттого могла быть знатная польза в делах моих, однако ж по своей возможности трудился и сочинил разные примечания»[31].

По завершении экспедиции канцелярия Академии наук намеревается объявить Миллера историографом и поручить ему обработку привезенных материалов. В протоколе канцелярии от 1 ноября 1747 г. записано: «Понеже сочинение российской истории и географии требует того, чтоб Российской империи состояние внутреннее не закрыто было перед тем, кто должен подлинные до истории и географии касающиеся известии описать, того ради подлежит к сему делу употребить природного российского и верноподданного человека, которого определить бы Академии надлежало историографом Российского государства. А понеже профессор Миллер так, как профессор истории, употреблен уже в часть некоторую истории российской, то есть послан был в Сибирь для собирания всех потребных примечаний и для сочинения сибирской истории и там около десяти лет пробыл на двойном жаловании Ея Императорского Величества против своего здешнего оклада, чего ради иному сие дело вверить не надлежит, как ему, Миллеру, того ради <...> Канцелярия АН определила с ним, Миллером, заключить контракт и в оном написать: 1) он, Миллер, обязуется при АН профессором в университете и для сочинения генеральной российской истории, к тому же определяется историографом, причем обещает Ея Императорского Величества высокий интерес и Академии честь и пользу всячески наблюдать; 2) начатые свои дела, на которые уже столько иждивения Ея Императорского Величества употреблено, а именно — Сибирскую историю, в которой бы иметь достоверное описание положения всей Сибири географического, веры, языков всех тамошних народов и древностей сибирских, и таким образом вместе с профессором Фишером производить, чтоб всякий год здать можно было по одной книжке путешествия его; 3) когда оканчается Сибирская история, тогда он, Миллер, употреблен будет к сочинению истории всей Российской империи, в департаменте, который ему от

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

Академии показан быть имеет, по плану, который им самим сочинен в то время быть имеет и в Канцелярии апробован. 4) Понеже он, Миллер, от лекций уволен, то вместо того отправлять ему ректорскую должность при университете о данной ему впредь инструкции, когда ему приказано о том будет. Поступать должен во всем по учрежденному и апробованному от Ея Императорского Величества регламенту. 5) Жалованья Ея Императорского Величества определяется ему, Миллеру, с апробации от Ея Императорского Величества штата, сего 1747-го году июля с двадцать четвертого числа, по тысяче рублев на год, и оное ему по расчислению по сентябрь месяц додать, и сверх того, выдать ему, Миллеру, от того времени, как он из Сибири возвратился к прежнему полученному его жалованью по двести рублев в год, по день его нового определения, которая добавка ему заплачена будет в год. А впредь, ежели он, Миллер, так прилежно будет в положенных на него делах трудиться, что Канцелярия Академии наук будет тем довольна, то обещает оная стараться награждение ему чинить особое, или денежною суммою, или прибавкою жалованья, или награждением ранга, смотря по его заслугам. Ежели же он, Миллер, поступит противно должности своей, которая ему вручается не инако, как верноподданному и присяжному рабу Ея Императорского Величества, в таком случае он подвергает себя штрафу, какого учиниться достоин по указом Ея Императорского Величества. 6) Оного Миллера в канцелярии академической обязать подпискою в том, чтоб ему не токмо из Российского государства не выезжать по смерть, но и академической службы не оставить»[32]. Миллер на такие условия не согласился, и 10 ноября 1747 г. канцелярия постановила: «Профессору Миллеру, который предложенный ему контракт принять отказался, приказать, чтоб отныне все другие академические дела, какого б оные звания не были, оставя, камчатские известия вместе с профессором Фишером, с тем же жалованьем, которое он получает, немедленно в порядок привел и оные в Канцелярию в таком состоянии, чтоб оные печатать можно, без оговорок или дальнейшего представления подал»[33]. Миллер принял условия и через 10 дней с ним заключили новый контракт.

Однако совместная работа не ладилась, между учеными возникли т.н. «партикулярные несогласия», и для того чтобы их пресечь и продолжать работу, 24 марта 1748 г. было создано особое историческое собрание, на котором и происходило обсуждение сибирской истории. В состав вошли Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, Ф. Штрубе де Пирмонт, Я.Я. Штелин, И. Тауберт, М.В. Ломоносов, Х. Крузиус и И. Браун. Работа продвигалась, и мнения разошлись только в вопросе, следует ли оставить место в тексте Миллера, «что Ермак грабежу или разбою <...> от людей своих в Сибири

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

не почитал за прегрешение» (18. Л. 72). В следующем заседании, 6 июня 1748 г., всем было предложено высказать свое мнение. В результате оказалось, что «1) Господин профессор Браун мнит, что все рассуждения, которые касаются до Ермака, то есть до его первейших действий, достойных подлинно нечестного имени, долженствуют быть выключены ради некоторых благопристойных политических предосторожностей.

2) Господин профессор Фишер мнит, что понеже и сам г[осподин] п[рофессор] Миллер предлагает, что все оные рассуждения могут быть выключены, то и он, г[осподин] Фишер рассуждает, чтоб их все отставить, ибо всяк может думать про себя, как хочет, чего однако в народ объявлять не надлежит.

3) Господин профессор Крузиус рассуждает, что всякому можно так о Ермаке думать, как превеликий монарх и император российский Иоанн Васильевич не только думал, но указом своим оное объявил и не похвалил нападения его на Сибирь, прежде нежели еще он, Ермак, добрых не показал дел. Впрочем вместо чтоб переменить что-нибудь в том месте Сибирской истории, нравится ему лучше оное во всем оставить, нежели что переменять.

4) Господин профессор Ломоносов мнит, что подлинно не известно, для себя ли Ермак воевал на Сибири или для всероссийского самодержца; однако сие правда, что он потом поклонился его всероссийскому монарху. Того ради буде оныя рассуждения, которые об его делах с нескольким похулением написаны, не могут быть переменены, лучше их все выключить.

5) Профессор Тредиаковский такое имеет мнение, что правила историографа состоят в том, что 1) Праведного он не опускал, а 2) чтоб ничего неправедного не вносил. А понеже праведно, что Ермак был таков сперва, каков он описывается. Того ради, праведно и дельно, таким он человеком в истории назван, каким был прежде в самой вещи. Но с другой стороны понеже благопристойность и некоторые политические опасности и предосторожности требуют, чтоб нечестным названием Ермака не оскорблять читателей, а особливо российских, которые уже все к нему великую склонность имеют за учиненное им знатное и полезное дело, то есть, что он в добровольный принес дар Сибирь всероссийскому самодержцу, то рассуждается, чтоб помянутые об нем описания все выключить вон, ежели поправлены и умяхчены быть не могут. А сим последним его мнением, должность историографа, предложенная выше, не нарушается, но токмо несколько уменьшается не для того, чтоб ей уменьшенной быть надлежало всегда, но для того, что российские обстоятельства того требуют в рассуждении Ермолая Тимофеевича Ермака.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

6) Господин профессор Штруб мнит, что все оные описания надлежит переменить, а каким переменить образом, о том он не предлагает, но отдает авторову благорассуждению.

7) Господин надворный советник Штелин рассуждает: оные об Ермаке описания должно все выключить из истории для того, что они не мешают, чтоб полной не быть и без них Сибирской истории.

8) Господин профессор Лероа рассуждает, что оные описания об Ярмаке должно все оставить, толь наипаче, что по предложению самого господина Миллера переменить их невозможно.

9) Мнение господина ассесора Теплова есть следующее: понеже Ярмак премного после добра и пользы принес России, то какого б он прежде состояния не был, должно молчанием закрыть и потому выключить все оные рассуждения. И понеже все согласно рассудили их отставить, то г. профессор Миллер учинил оное при их присутствии, а именно вычернил все оныя помянутыя описания»[34].

8 июня обсуждение первой части сибирской истории было завершено, и «профессор Тредиаковский взял [ее] от господина профессора Миллера для вручения ея Канцелярии. Книга сия имеет в себе числом 134 полулистов писанных»[35].

Миллер дописал события своей истории Сибири до 1660 г., «ее 1–5 главы впервые вышли в свет на русском языке в 1750 г. под названием “Описание Сибирского царства <...> Книга первая” и были переизданы в 1787 г. На немецком языке они увидели свет в 1761 г. на страницах петербургского журнала Sammlung Russischer Geschichte. 6–10 главы были опубликованы в 1763 г. в том же журнале, а в конце 1770-х годов журнал был переиздан в Германии. Русский перевод 6–8 глав был напечатан в 1764 г. в нескольких выпусках журнала “Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах”. В полном объеме “История Сибири”, включающая 23 главы, так и не увидела свет. Лишь в кратком изложении И.Е. Фишера все ее главы были опубликованы в 1768 г. на немецком языке, а позднее, в 1774 г. — в переводе на русский»[36].

В 1752 г. Миллер обратился в академическую канцелярию с просьбой, чтобы Фишеру поручили составить сокращенный вариант его труда, а потом самостоятельно продолжить историю до позднейших времен.

Фишер сократил произведение Миллера и издал в 1768 г. на немецком языке под названием Sibirische Geschichte von der entdekkung Sibiriens bis auf die eroberung dieses Lands durch die Russische waffen, in den Versamlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen, und mit genehmhaltung derselben ans Licht gestellt von Iohann Eberhard Fischer, Mitglied besagter Akademie, Professor der altertümer und der

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

geschichtkunde, und des historischen Instituts zu Göttingen ordentlichem Mitglied, с его предисловием.

Вскоре этот труд был передан переводчику, но на русском языке книга вышла уже после смерти Фишера, в 1774 г., без предисловия (которое не было научно весомым: упоминание о том, что работу начинал Миллер, славословия в адрес графа Владимира Григорьевича Орлова (с 1766 г. директора Академии наук) и некоторые филологические рассуждения Фишера).

Фишер был отцом 9 детей: 4 сыновей и 5 дочерей. Все сыновья учились в академической гимназии. Петр родился в Петербурге в 1734 г., Иоганн-Альбрехт — в 1737 г., Карл — в Томске в 1740 г., Фридрих — в 1747 г. в Петербурге, сразу после возвращения из Камчатской экспедиции[37].

Сыновья служили в армии: Иоганн-Альбрехт в 1752 г. определен по его желанию в Сибирский Якутский гарнизонный полк[38]; Петр к 1755 г. три года служил солдатом в лейб-гвардии Семеновском полку[39]. В 1760 г. Эйлер писал Миллеру из Берлина о впечатлении от офицера Карла Фишера, который, «наверное, будет служить утешением и радостью своему отцу»[40].

В 1740-х гг. Фишер жил в доме Строганова, где находилась гимназия[41], в 1767 г. — у купца Окутина, на берегу Малой Невы, возле дома Демидовых[42]. Однако 12 марта 1768 г. он подал прошение в комиссию Академии наук: «В нынешней моей квартире долее охоты жить не имею по причине опасности от огня, нездорового места и многих других неудобностей, чего ради прошу определить деньги, которые нынешнему моему хозяину за наем платились, с сего времени выдавать мне, чтоб я мог на оные нанимать по моему изволению пристойную квартиру как для себя, так и для многочисленной моей фамилии»[43], а 9 апреля 1768 г. он подал в комиссию расписку: «Я выехал из дому купца Окутина марта в двадцать первом числе»[44].

В последний год жизни Фишер болел, из 50 заседаний конференции он пропустил 29 по недомоганию или болезни, в 1765 г. он писал: «А особливо я почасту одержим бываю подагрою»[45]. От чего он умер, точно неизвестно, возможно, смерть была скоропостижной, потому что 9 сентября 1771 г. он присутствовал на заседании, на следующем, проведенном 12 сентября, отсутствовал, а 13-го умер. Конференции об этом было доложено на следующем заседании 16 сентября[46].

Где он похоронен, можно только догадываться. «Петербургский некрополь» В.И. Саитова ответа не дает, можно предположить, что это было Смоленское лютеранское кладбище, кладбище на Аптекарском о-ве или кладбище при церкви Сампсония Странноприимца.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

Фишер прожил долгую, трудную, конфликтную жизнь. Воспоминания о нем оставил А.Л. Шлецер, который знал его в последнее десятилетие жизни. Воспоминания друга не всегда объективны, но они оставляют потомкам лучшее. Шлецер писал: «В то время он был единственный человек в русском государстве, знавший классическую древность и критически понимавший латынь. Вместе с тем он был не только искусный, но и ученый пианист; он объяснил мне многое в контрапункте, чего я не понимал <…> Единственный человек, которому я открылся в настоящем моем положении, был старый, честный, но вследствие перенесенных оскорблений, чрезвычайно робкий профессор Фишер»[47].

Из ученых трудов Фишера можно назвать опубликованные в «Историческом месяцеслове» за 1770 и 1771 гг. статьи «О происхождении молдавцев, о их языке, знатнейших приключениях, вере, нравах, поведении» и «Догадки о происхождении американцев». В 1770 г. в Геттингене были опубликованы под общим заглавием Quaestiones Petropolitanae его работы De origine Ungrorum, De origine Tatarorum, De diversis Lhinearum imperatoris nominibus titulisque и De Hyperborees. Следует упомянуть также, что в 1751 г. он был командирован в Псков для разборки книг, вывезенных из завоеванных шведских городов. Однако там ему показали только два ящика, в которых, как пишет Фишер, «ни одной хорошей книжки, кроме старых календарей, газетов и партикулярных купеческих писем и щотов не нашол, да и то все уже обветшало и погнило <...>, а когда я им (местным монахам. — *О.И.*) говорил, что иначе невозможно думать, как что из так многих завоеванных швецких городов, в которых знатные были библиотеки, многие тысячи книг привезены были, то они мне в том не спорили, только полагают вину на прежних архиереев, то есть на мертвых»[48].

По классическим канонам завершить очерк следовало бы точным определением уникального места героя в истории. «Диагноз» скрупулезного исследователя истории Сибири профессора А.И. Андреева неутешителен: «Подводя итог научной работы Фишера в Сибири в 1739–1745 гг., приходится признать ее весьма небольшой; скромный результат получился в значительной степени по вине самого Фишера, характер которого <...> не подходил к сибирским условиям. Обремененный к тому же большой семьей, заботам о которой Фишер уделял большое внимание, он научной работе посвящал мало времени, хотя имел все данные, чтобы вести ее на уровне тех требований, которые предъявляли к нему Миллер и другие. То немногое, что все же представляет научную ценность в трудах Фишера: его описания пути по южной Сибири, этнографические наблюдения над томскими татарами, собранные им слова-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

ри — должно занять свое место в богатой сокровищнице материалов и трудов участников Второй Камчатской экспедиции»[49]. Конечно, могут быть сравнения, но думается, что к людям, отправлявшимся в XVIII в. в бескрайнюю Россию и имевшим мужество стать первопроходцами, должна применяться иная шкала оценок.

***

[1] *Пекарский П.П.* История Императорской Академии наук. СПб., 1870. С. 617–636.

[2] *Wagner Reinhold.* Johann Eberhard Fischer (1697–1771) // Esslingener Zeitung. 27 Februar 1927. № 46. S. 9.

[3] Санкт-Петербургский филиал архива РАН, далее — ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2332. Л. 67.

[4] ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1926 г. Д. 2. Л. 18.

[5] *Wagner Reinhold.* Johann Eberhard Fischer (1697–1771) // Esslingener Zeitung. 27 Februar 1927. № 46. S. 9.

[6] Материалы для истории Академии наук. СПб., 1886. Т. 2 (1731–1735). С. 67.

[7] Там же. С. 168.

[8] Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1897. Т. 1: 1725–1743. С. 60.

[9] *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 632.

[10] Материалы для истории Академии наук. СПб., 1886. Т. 3 (1736–1738). С. 578.

[11] Материалы для истории Академии наук. СПб., 1886. Т. 2 (1731–1735). С. 349–361.

[12] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 5. Л. 13–26.

[13] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 21. Л. 6.

[14] Материалы для истории Академии наук. СПб., 1886. Т. 2 (1731–1735). С. 482.

[15] Материалы для истории Академии наук. СПб., 1886. Т. 3 (1736–1738). С. 688.

[16] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 110. Л. 474, 474 об.

[17] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 811. Л. 57, 57 об.

[18] Материалы для истории Академии наук. СПб., 1887. Т. 4 (1739–1741). С. 142.

[19] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 811. Л. 57, 57 об., 116.

[20] Там же. Л. 127.

[21] Там же. Л. 130.

[22] Материалы для истории Академии наук. СПб., 1887. Т. 4 (1739–1741). С. 219.

[23] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 811. Л. 117, 117 об.

[24] Там же. Л. 98, 98 об.

[25] Материалы для истории Академии наук. СПб., 1887. Т. 4 (1739–1741). С. 253.

[26] Там же. С. 512.

[27] ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 36.

[28] ПФА РАН. Р. I. Оп. 13. Д. 14. Л. 175.

[29] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 813. Л. 311, 312.

[30] Там же. Л. 311 об.–313.

[31] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 169. Л. 447, 447 об.

[32] Материалы для истории Академии наук. СПб., 1895. Т. 8 (1746–1747). С. 595–596.

[33] Там же. С. 582.

[34] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 802. Л. 73, 74.

[35] Там же. Л. 75.

[36] *Батьянова Е.П., Вайнштейн С.И.* Из истории подготовки нового издания труда Г.Ф. Миллера // Г.Ф. Миллер. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 6.

[37] ПФА РАН. Р. I. Оп. 70. Д. 20. Л. 56 об., 60, 103 об.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН

[38] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 162. Л. 367.

[39] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 222. Л. 173 об.

[40] *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 279.

[41] Материалы для истории Академии наук. СПб., 1897. Т. 9 (1748–1749 январь–май). С. 348.

[42] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 303. Л. 255.

[43] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 311. Л. 106 об.

[44] Там же. Л. 219.

[45] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 293. Л. 185.

[46] Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. СПб., 1897. Т. 1: 1725–1743. С. 32, 33.

[47] *Шлецер А.Л.* Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г. СПб. 1875 // Сборник Отделения русского языка и словесности (ОРЯС). СПб., 1875. Т. 13. С. 171, 225.

[48] ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 139. Л. 452 об., 453.

[49] *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2-й. XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965. С. 302.

М.М. Сафонов

In votum venit

20 сентября 1754 г. родился Павел I. По этому случаю была изготовлена медаль. На медали — женщина, олицетворяющая Россию, готовится принять в свои руки новорожденного цесаревича, сидящего на подушке. В облаке — гений со скипетром в руке и звездой над головой. Надпись гласила: In votum venit: («Вожделенный пришел»)[1].

Обычно рождения ребенка ждут девять месяцев. Появления Павла на свет ждали девять лет. Вот уж воистину «вожделенный пришел». Но почему все-таки пришлось ждать так долго?

Объяснить это более или менее правдоподобно и при этом скрыть, как дело обстояло на самом деле, всегда представляло для Екатерины очень большую трудность. Она тщательно искала способы и средства, с помощью которых можно было бы пустить читателя своих воспоминаний по ложному следу и утаить истинное положение дел.

В первой редакции мемуаров императрицы, написанной в начале 1770-х гг., дано чисто физиологическое объяснение того, почему в течение девяти лет у Петра и Екатерины не было детей.

В 1750 г., разгневавшись на Екатерину за ее красивый наряд, императрица Елизавета Петровна прислала обер-гофмейстерину М.С. Чогло-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-131-2/
© МАЭ РАН